

Эдуард
ТОПОЛЬ

Бисмарк

Русская любовь железного канцлера

Эдуард Владимирович Тополь

Бисмарк. Русская любовь железного канцлера

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964416

Бисмарк. Русская любовь железного канцлера: АСТ; М.; 2013

ISBN 978-5-17-077304-6

Аннотация

Об Отто фон Бисмарке, создателе Германской империи, прозванном «железным канцлером», написаны сотни и даже, наверное, тысячи книг. Но книга Эдуарда Тополя «Бисмарк. Русская любовь железного канцлера» впервые рассказывает о страстной романтической любви Бисмарка и юной русской княгини Екатерины Орловой-Трубецкой...

«Тополь естественно и просторно чувствует себя в жанре свободного переселения душ, но не с историческим деянием Бисмарка, а с эмоциями, чувственными инстинктами крупной личности, позволившей себе беспamięтно влюбиться. Жажда счастья и его невозможность ткуют и оживляют сюжет и атмосферу действия... Романист владеет искусством ускорять сердцебиение читателя... В процессе эмоционального движения сюжета от первого очарования княгиней Кэтти, а потом подсознательного

и, может быть, реального чувственного вожделения страдающего героя, Тополь страстно и умело делает читателя своим единомышленником... Но не история, а чувства привлекут читающую публику». Наталья Дардыкина, МК.

Содержание

Часть первая	6
1	7
2	12
3	13
4	16
5	18
6	20
7	22
8	24
9	26
10	28
11	30
12	36
13	38
14	42
15	44
16	46
17	51
18	52
19	55
20	58
21	59
Запоздалое предисловие	61

Часть вторая	63
1	63
2	65
3	67
4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Эдуард Владимирович
Тополь
Бисмарк. Русская любовь
железного канцлера**

**Часть первая
БИАРРИЦ,
или
Big man have a big heart**

Хотя все персонажи этого романа имеют своих исторических прототипов и однофамильцев, в художественной ткани романа они, тем не менее, являются плодом авторской фантазии и вымысла, который ни в коем разе не имел целью задеть чью-то честь или репутацию, а напротив хотел восславить их высокие чувства.

В конце июля 1862 года карета Отто фон Бисмарка, нанятая вместе с лошадьми в Бордо, катила по югу Франции, через Пиренеи в Страну Басков. Его собственные лошади остались в деревне под Берлином, мебель и вещи были еще в Петербурге, где он два года отслужил посланником прусского короля, жена и дети – в Померании, а сам Бисмарк, по его же выражению, «снова на обочине» и всего лишь посланник прусского короля во Франции. Возможно, для кого-то и неплохо в 47 лет быть королевским посланником в Париже, но для Бисмарка...

Весной, когда в Берлине запахло войной между парламентом и королем, Альбрехт фон Роон, военный министр и друг его детства, стал склонять Вильгельма I усилить Бисмарком кабинет министров, и ради этого даже вызвал Бисмарка из Петербурга. Но в последний момент Августа, жена Вильгельма и либералка в духе британских веяний, наговорила мужу, что Бисмарк реакционер, интриган и циник, и он остался посланником, правда, не в России, а поближе к Берлину – при дворе Наполеона III. Как и чем он мог быть полезен в Париже, Бисмарк не знал, «в то время, как влияние, коим я пользовался в Петербурге у императора Александра, не лишено было значения с точки зрения прусских интересов». Но с королями не спорят, и Бисмарк поехал в Париж – как

сказал ему Роон, — «чтобы быть наготове»...

Однако летом Париж пустеет, все разъезжаются, и в ожидании «быть или не быть» Бисмарк выпросил у короля отпуск и отправился путешествовать. Конечно, здесь, на юге Франции, красиво — солнце, сады, виноградники, и погода совсем не та, что в Пруссии или у русских в Санкт-Петербурге. Небо даже не голубое, а сиреневое, жизнь так и пышет из земли садами, виноградными лозами и мириадами таких цветов, что их запахи кружат голову не хуже молодого бургундского. Но прекрасные Mouton Rothschild, Lafitte, Pichon, Laroze, Latour, Margaux, St. Julien, Beaune, Armillac и другие вина, которые он тут пробует, не избавляют его от хандры и сознания того, что жизнь утекает или уже утекла...

«К тому же тут так скучно, — писал он с дороги своей жене Иоганне, — что мысль провести здесь недели невыносима. Из-за эгоизма и необщительности французов никто не хочет познакомиться поближе, а если ты ищешь этого, то они начинают думать, что ты хочешь или денег занять, или нарушить их семейное счастье».

6 августа Бисмарк остановился в Биаррице, в «Hotel d'Europe», чтобы через пару дней отправиться дальше. С тех пор как восемь лет назад Наполеон III для своей жены Евгении построил здесь роскошный, в мавританском стиле, замок Villa Eugénie и стал проводить в нем каждое лето, Биарриц из небольшой рыбацкой деревушки превратился чуть ли не в самый модный курорт — летом сюда приезжает весь

двор Луи-Наполеона, европейская и даже русская знать. Но Бисмарк собирался пробыть тут дня два, не больше, и написал Иоганне, что все письма для него следует отправлять в Bagneres de Luchon. Тем паче, что с Луи-Наполеоном он встречался совсем недавно, в июне, когда прибыл в Париж посланником, и теперь вовсе не горел желанием пересекаться вновь с этим не очень умным, но очень заносчивым правителем, мечтающим превзойти своего великого дядюшку.

Однако буквально на следующий день на биаррицевском променаде великосветских курортников он вдруг услышал: – Фон Бисмарк! Бонжур! Какими судьбами?!

Он остановился, пораженный. Это был князь Николай Орлов, русский посланник в Брюсселе, сын знаменитого в России царедворца Алексея Орлова и племянник декабриста Михаила Орлова, принявшего в 1814 году капитуляцию Парижа. Впрочем, Николай Орлов и сам прославился как герой Крымской войны, кавалер ордена Святого Георгия, золотого оружия и других высших наград Российской империи. Но при штурме турецкого форта Араб-Табия он получил девять тяжелых ран, лишился левого глаза и подвижности правой руки, лечился в Италии и во Франкфурте (где Бисмарк с ним и познакомился), а потом перешел в дипломаты и носил теперь черную повязку на глазе. Но поражен Бисмарк был все не им, а юной красавицей-блондинкой, которая держала его под руку.

– Катарина, – сказал ей Орлов, – позволь тебе представить

Отто фон Бисмарка, прусского посланника.

Бисмарк склонил голову. Благо, его высокий рост позволил ему сделать это, не отрывая от нее восхищенных глаз.

Катерина, потупившись, чуть присела.

– Барон, – продолжил Орлов, – разрешите представить. моя супруга княгиня Екатерина Николаевна Трубецкая. Но теперь Орлова-Трубецкая!

– Князь, поздравляю! – сказал Бисмарк. – Она красавица! Я уже влюбился! А в каком вы отеле?

– Мы в «Европе». А вы?

– И я...

В эту секунду Катарина подняла на Бисмарка свои голубые глаза и...

Екатерина (Катарина) Орлова, единственная дочь князя Николая Трубецкого (двоюродного дяди Льва Толстого) из рода русско-литовских князей Гедиминовичей, по материнской линии внука генерал-фельдмаршала графа Ивана Гудовича, который во время 2-й турецкой войны взял Гаджибей (ныне Одесса), Килию и Анапу, а также Бакинское, Шекинское и Лезгинское ханства.

Господи! – сказал себе Бисмарк. Как давно у тебя не замирало дыхание от женского взгляда, не пересыхало во рту и не холодело внизу живота!

Наверное, глаза Бисмарка выдали его мысли, потому что

эта голубоглазая фея с высокими славянскими скулами, церемонно раскланявшись, тут же высокомерно приподняла худенькое плечико, взяла мужа под руку и пошла с ним дальше по променаду.

А он все стоял и смотрел им вслед. С высоты своего роста он поверх шляп, шляпок и зонтиков гуляющих европейских аристократов и щеголих еще долго видел эту восхитительную головку с льняными волосами.

«Фотографии того времени показывают нам Бисмарка в расцвете сил, человека атлетического сложения, которого годы еще не сделали грузным и тяжелым на подъем. Аккуратная голова, быть может даже несколько маленькая для его широких плеч. Кустистые брови над выступающими надбровными дугами придают лицу что-то устрашающее. Облик, который подавляет, в нем отражена огромная энергия. Но общее впечатление смягчается легкой иронической улыбкой, которая, кажется, играет в уголках рта и отражается во взгляде его больших голубых глаз; взгляде, который мог быть равно как серьезным, острым и пронизывающим насквозь, так и неопределенным и непроницаемым. В общем, впечатляющая внешность человека, не испытывающего недостатка ни в самообладании, ни в умении воздействовать морально на других...» (Из книги N. Orloff. *«Bismarck und Katarina Orloff»*, Берлин 1930).

Нужно ли говорить, что в тот же вечер они встретились за ужином в ресторане «Hotel d'Europe»? А шампанское уже пили на втором этаже, в апартаментах Орловых, где у окна, настежь открытого в море, стоял рояль, и Катарина играла им Шопена.

За роялем, да еще после бокала шампанского, она была даже прелестней, чем днем на променаде. Розовый закат дробился и сиял в ее льняных локонах, колышимых морским бризом, пенистый прибой подыгрывал ей ударами волн о берег, а все ее тонкое тело так трепетало в такт этому новомодному Шопену, что Бисмарк просто глаз не мог от нее оторвать.

Стоя рядом с ним у открытого окна, князь Орлов вдруг сказал негромко:

– Я слышал, у вашего короля конфликт с парламентом?

– Еще какой! – ответил Бисмарк, не отводя взгляда от рук Катарины, летающих над клавишами словно две птички-колибри.

– Какой? – переспросил Орлов.

Бисмарк усмехнулся.

– А то ваша берлинская миссия не знает!

– Ну... – замялся Орлов и отпил шампанское. – Просто хочется узнать из первых рук.

Бисмарк предпочел промолчать и осторожно, чтоб не уронить пепел на дорогой персидский ковер, гордость мсье Гардера, хозяина отеля, стряхнул свою сигару за окно. Поскольку русский император приходится племянником прусскому королю, Берлин наводнен русскими дипломатами и шпионами, и русское посольство располагается на Унтер-ден-Линден чуть ли не в двух шагах от королевского дворца. Все дворцовые интриги, новости и сплетни они там узнают раньше, чем прусский кабинет министров.

Орлов, однако, продолжал с истинно русским напором:

– Говорят, вы там заигрались в демократию. Социалисты захватили парламент и блокируют все указы короля...

Бисмарк положил руку ему на плечо:

– Я в отпуске, князь.

Но в эту минуту юная Орлова уже так чувственно отдалась музыке, что бисмарковская дипломатия решила наказать орловскую настырность:

– А ваша жена выросла во Франции?

И Орлов с чисто российским прямодушием тут же попался в ловушку.

– Даже родилась тут! – сказал он с гордостью. – У Трубецких свой замок – «Bellefontaine» в Samois-sur-Seine, возле Фонтенбло под Парижем.

– Теперь я понимаю, почему французы поддерживают поляков, бунтующих против России.

Орлов изумился:

– Почему?

– Потому что все француженки без ума от эротической музыки этого поляка Шопена.

Всего долю секунды Орлов соображал, как ему реагировать на эту колкость. И тут же расхохотался, но тем нарочитым и громким смехом, каким еще несколько лет назад был известей на конференциях во Франкфурте его нынешний шеф и русский канцлер князь Горчаков.

«С поляков нужно шкуры снимать»¹, они всегда были прусской и русской головной болью! Стоит только дать им поднять голову, как они тут же полезут в великие нации и объединятся с французами, чтобы либо зажать немцев с двух сторон, либо напасть на Россию в союзе с кем угодно – с литовцами, с Наполеоном... А потому разделение Польши под протекторатом России, Пруссии и Австрии, начатое еще Фридрихом Великим и Екатериной Второй, является единственным выходом для умирения их шляхетских амбиций и установления тишины в Европе. При этом они настолько талантливы, что побежденные и расчлененные, они не могут угомониться, втихую расселились по всей Европе и настырно лезут на самые влиятельные посты в России, Австрии и даже в Пруссии. А теперь еще эти новые, после восстания Костюшко, польские бунты против русских «гнобителей»! Тринадцать миллионов поляков, вечно настроенных против русских и немцев – не дай Бог, если их нынешние разрозненные мятежи соединятся...

А французские газеты тут же, конечно, закричали свое стандартное «Польша либерасьон!», и французские мадам и мадемуазель, тающие от «душки» Шопена, настолько прониклись сочувствием к «угнетенной» нации, что даже Луи-

¹ Из письма Бисмарка сестре 26 марта 1861 года.

Наполеон уже открыто выражает «несчастливым» полякам свое сочувствие. Конечно – в пику России и в отместку за войну 14-го года...

Бисмарк сидел в своем номере на первом этаже «Hotel d'Europe», пыхтел сигарой и, глядя на ночное море, слушал игру Катарины. Апартаменты Орловых были прямо над его номером, и теперь там, над ним, она играла его любимого Бетховена, Семнадцатую сонату. Но когда дошла до третьей части ALLEGRETTO...

Музыка вдруг оборвалась, он услышал громкий стук, словно что-то упало со стула, и...

Нет, он не мог ошибиться – разгоряченные Бетховеном, они занялись *ЭТИМ* прямо на полу! Да так, что люстра раскачивалась над головой Бисмарка, а Катарина стонала и вскрикивала, и эти ее стоны и крики долетали до него через открытое окно. О, этот горловой, с хрипотцой и страстью крик! Бисмарк с такой силой сжал зубы, что перекусил свою лучшую сигару стоимостью чуть ли не в целый талер!

«Психологическая сторона его портрета не менее выразительна. Сложная, многогранная натура. Отличный пловец, блестящий стрелок и выдающийся наездник. Любовь к земле и лесу он унаследовал от своих предков... Вместе с тем Бисмарк очень образованный человек. Он чрезвычайно начитан, у него гениальный ум, он более или менее хорошо говорит на шести языках...» (N. Orloff. *«Бисмарк и Екатерина Орлова»*).

Бисмарк 1862 года «очень высокий... черноволосый... курносый... с бледным лицом и осиной талией... Бойтесь его: он говорит то, что думает» (Б. Дизраэли, Англия).

«Граф Бисмарк – мужчина высокого сложения; беспокойный по характеру; большой, высокий лоб, показывающий благожелательность в сочетании с упрямством. Большие глаза, глубоко посаженные и мягкие, они становятся грозными, когда в них воспламеняется огонь гнева. Волосы зачесаны вверх и прикрывают затылок. Он носит воинственные усы, прикрывающие его ироническую улыбку» (М. Вилборт, парижский журналист 1866).

«Во время беседы жесткая линия рта становится видимой за усами; также виден ряд мелких крепких зубов, которые он сохранил до конца своей жизни. Его руки даже в старости выглядели руками пятидесятилетнего, на них не было старческих пятен» (С. Витман. «Воспоминания о Бисмарке»).

Конечно, на следующий день он и виду не подал, что слышал их супружеские страсти.

Как после ночной грозы и шторма, что в кромешной тьме терзают небо и волны, рвут паруса и секут землю семязвержениями молний и ливней, – как наутро после этих диких страстей умиротворенная природа вдруг становится тиха, нежна и невинна в лучах проснувшегося солнца, так и Катарина – буквально вся – светилась в то утро такой невинностью и кротостью, что ему хотелось отхлестать ее по персиковым щечкам. И только его аристократическое воспитание да надменная улыбка, прятанная в уголках чуть припухших губ Катарины (ну, и, конечно, присутствие мужа), сдерживали его тяжелую руку.

Но это высокомерие княгини в десятом поколении, ведущей свою родословную от участников Куликовской битвы, бесило его юнкерскую душу. Отчего эти юные стервы, едва вкусив от своей ночной власти над мужчинами, позволяют себе думать, будто царят над всем миром?

Впрочем, повторяю, Отто фон Бисмарк не выказывал ни своего бешенства, ни мужского к ней интереса.

Уходя от курортной толпы за скалы, поросшие цветущим вереском, они втроем наслаждались первозданной природой Биаррица. Князь Орлов, лишенный возможности плавать из-

за немощи правой руки, лежал, вытянувшись на сухой траве, и курил, а Бисмарк с Катариной плавали вблизи. По ночам море отступает здесь довольно далеко, и прибрежные лагуны изрядно мельчают, но к утру прибой заполняет эти природные чаши чистой, прохладной и прозрачно-изумрудной водой. Катарина была в таком восторге от высокого неба, свежего утра, сиреневого марева над горами и ласково-знобящей воды, что расшалилась, как девочка, и своим озорством уладила гнев Бисмарка. К тому же даже в своем закрытом, с десятком оборок и рюшек, купальном костюме она была так пронзительно эротична, что, ныряя за ней, Бисмарк и на глубине, в совершенно холодной воде чувствовал горячее помутнение разума и напряжение всех своих членов.

«Никогда ни одна женщина не очаровывала Бисмарка настолько, как Катарина Орлова. Он покорен не столько ее юностью и красотой – красивых женщин он встречал в жизни достаточно и проходил мимо, восхищаясь, но не задерживаясь, – сколько некой первозданностью и свежестью всей ее натуры. Ведь хотя она была дамой из высшего общества, в ней была еще и радостная, беззаботная простота, а ко всему этому – остроумная и занимательная. Она сама говорила, что в ней уживаются два разных человека – "княгиня Орлова" и "Кэтти". Кэтти – насмешница, плутовка, стихийная, увлекающаяся натура. Она любит всякие проделки, ей доставляет удовольствие пугать товарищей своими безрассудствами, карабкаясь по отвесным скалам или забираясь на высокий виадук... Когда Бисмарк ругает Кэтти за какой-нибудь ее очередной опрометчивый поступок, та все же очень довольна собой – ведь когда он сердится, у него не получается скрыть свой немецкий акцент, и тогда он обращается с ней как с "mechante enfant" – непослушным ребенком... Хватило всего одной недели в ее обществе, чтобы Бисмарк оказался

в плену чар этой молодой привлекательной 22-летней женщины. Он пытается обернуть все в шутку, но, по правде говоря, он начинает питать к княгине чувство, превосходящее чисто дружеское расположение» (N. Orloff. *«Бисмарк и Екатерина Орлова»*).

У входа в небольшой грот князь Орлов ловко развел костер и жарил каштаны и мидии, принесенные Энгелем, служгой и кучером Бисмарка. А Бисмарк с Катариной, взобравшись на соседнюю скалу, сидели и смотрели на море, зеленое и белое от пены и солнца.

– Вы такой большой! – сказала она. – Похожи на скалу.

– А вы на эльфа. Или ангела, – ответил он. – Вы... Вы, вообще, бываете на горшке?

Она возмутилась:

– Я? На горшке? Нет, конечно!

– Я так и думал...

Но она все же обиделась, вскочила и...

– Вы дерзкий плебей!

И прыгнула в море с такой высоты, что у Бисмарка сердце остановилось.

А она вынырнула и, гневно барахтаясь, поплыла в открытое море. Бисмарк и Николай испугались – ведь там, за скалами, уже океанские волны.

– Назад! – закричал ей с берега Николай. – Кэтти, назад!

Конечно, Бисмарк тут же прыгнул за ней, догнал ее, да она уже и сама выбилась из сил, но упрямо не хотела возвращаться к берегу, даже отбивалась от Бисмарка...

А вечером в гостинице она снова играла им на рояле, на

сей раз Мендельсона, и Бисмарк, стоя у окна, подсвистывал ей.

– А правда, что в молодости у вас была репутация жуира и опасного мужчины? – спросила она, не прерывая игру.

Он усмехнулся:

– Это ваша берлинская миссия собирает на меня досье?

– И на вашем счету действительно тридцать дуэлей?

– Нет, всего двадцать восемь.

Она в ужасе округлила глаза:

– И вы стреляли в людей?

– Не всегда. В основном мы дрались на эспадронах.

– И как?

– Двадцать семь дуэлей я выиграл. Но прошу учесть – не я же их вызывал...

– Все равно вы ужасный! Ужасный! – И Катарина с такой силой ударила по клавишам, что этот еврей Мендельсон, наконец, проснулся в гробу.

«Они уже исследовали весь берег и наткнулись на совершенно очаровательные, необитаемые местечки, придумали им имена, которые будет напрасно искать на карте и которые отныне – их царство и вотчина. Так появились "Грот у башни маяка", "Дырявая скала", маленький островок среди утесов, который они окрестили "Гнездышко Кэтти", и "Утес чаек", бывший их любимым местом. Здесь проводят они многие часы, читают, пишут письма, мечтают и устраивают пикники. 19-го августа Бисмарк оставил нам живую картинку их маленькой группы: князь Орлов лежит, вытянувшись на сухой траве, и курит, Бисмарк и Катарина удобно устроились друг подле друга, пишут, пользуясь своими книгами, как пюпитром; она пишет своим родителям, он – Иоганне: "На четверть мили северней Биаррица, в скалах у берега, есть узкое ущелье, покрытое дерном, заросшее кустами и тенистое; невидимый ни для кого, я смотрю за двумя, покрытыми цветущим вереском скалами, на море, то зеленое, то белое от пены и солнца; рядом со мной самая очаровательная из всех женщин, которую ты тоже полюбишь, когда узнаешь поближе..."» (N. Orloff. *«Бисмарк и*

Екатерина Орлова»).

«Бисмарк и Орловы вместе обедали в комнатах Орловых. Кроме того, эта маленькая компания и днем была вместе... Князь, воспитанник старой джентльменской школы и несколько стесненный своей инвалидностью, предоставил своей супруге, бывшей на 13 лет моложе его, максимум свободы, практически безграничной. Для Бисмарка это была краткосрочная идиллия, но она позволила ему расслабиться и забыть о политике... Своей сестре Мэйл он открыто написал, что влюбился в эту "озорную принцессу"» (В. Рихтер. «Бисмарк». Лондон, 1964).

Нет, ей положительно нравится дразнить его. Даже когда на закате он тихо сидит на пляже в шезлонге, курит свою трубку и пишет жене очередное письмо (а Катарина видит это сверху, из своего окна), она вдруг появляется с крупными фигами на блюде, устраивается рядом с ним в шезлонге и начинает поглощать эти фиги с такой вызывающей чувственностью... А потом, расхохотавшись, оставляет ему фиги и бежит к морю, танцует на кромке прибоя. А он продолжает писать Иоганне: «Она оригинальна, красива и молода. Рядом с ней я до смешного здоров и счастлив... – Тут он смотрит на Кэтти, прыгающую в волнах, и, спохватившись, дописывает: – Счастлив настолько, насколько могу быть счастлив вдали от вас, моих дорогих...»

– Дядюшка! – говорит она, подскакивая перед ним на одной ноге и отжимая мокрые волосы. – Можно, я буду звать вас дядюшкой?

Он усмехается:

– Когда я жил в России и учил ваш язык, мне понравились несколько ваших пословиц. Особенно одна: хоть грибом назови, только скорей положи в свою корзинку.

Надев на себя бисмарковскую широкополую соломенную шляпу, она садится рядом.

– Вам понравилось в России?

– Вообще, меня туда отправили в ссылку. До этого, при короле Фридрихе-Вильгельме Четвертом...

– При короле Фридрихе Вильгельме Четвертом я, после восьми лет службы прусским представителем в Сейме Германского союза в вольном городе Франкфурте-на-Майне, чуть было не получил пост министра иностранных дел. Но с Фридрихом случился удар, и регентом стал его брат Вильгельм, чья супруга терпеть меня не может за мою нетерпимость к социалистам. И меня тут же отправили подальше – в Петербург, этот ваш русский ледник на Неве. В марте 1859-го мне потребовались семь полных суток, чтобы по заснеженным польским и российским равнинам доехать туда из Берлина. Однако русский Царь и Царица были так благосклонны ко мне! Принимали, как семейного посланника. А по случаю весеннего парада император занимался мной столь исключительно, как будто устроил этот парад для меня. При прохождении войск он приблизил меня к себе и разъяснял каждый вид своих войск и кто ими командует. А когда при разъезде гостей от царского дворца с крыльца кричали: «Prusku paslannika!», то все русские оборачивались с такой широкой улыбкой, словно только что опрокинули рюмку шнапса... А где ваш муж? Что он делает?

– Он пишет трактат.

– О чем?

– Об отмене порки в России...

– Правда?

– Да. Порка – это ужасно, верно? Во Франции ее отменили еще в прошлом веке! У вас в Германии тоже, не так ли? А в России, представляете, даже сегодня, когда в мире уже такая цивилизация, людей секут кнутами, плетьюми, шпицрутенами. До трехсот ударов! Ужас! Николя говорит, что это настоящее зло в христианском, нравственном и общественном отношениях!

Свой досуг князь Н.А. Орлов посвящал истории и искусству; он составил превосходную коллекцию рисунков старых мастеров. Его Записка «Об отмене телесных наказаний в России и в Царстве Польском», поданная им императору Александру II, имела широкий резонанс...

Теплый сентябрьский дождь внезапно налетел из-за Пиреней, курортники резво побежали с пляжа под навесы и зонты, а Бисмарк и Кэтти переместились в кафе «Miremont», знаменитое своими круассанами с малиной, которые таяли во рту. Усевшись за столик, Бисмарк с ходу заказал официанту дюжину таких круассанов для Кэтти («Дядюшка, зачем мне дюжина? Я съем от силы два!»), а себе три дюжины устриц и бутылъ белого шабли...

– Вы начали рассказывать о себе и России, – напомнила Кэтти.

– Да, конечно, – согласился Бисмарк. – В Петербурге я снимал дом графини Штейнбок на Английской набереж-

ной. В охотничьих партиях, разумеется, не было недостатка; я охотился на лося, медведя, волка и держал у себя в доме медвежат, которых отсылал, когда они вырастали, в зоологические сады во Франкфурт и Кельн. Иногда мишка появлялся внезапно за столом, к великой забаве общества, прогуливался весьма благопристойно по скатерти между тарелками и стаканами, или хватал прислуживающего лакея за ногу, и скатывался с устроенной в столовой горки...

(На глазах у изумленной Кэтти первая дюжина устриц уже исчезла в его могучем желудке...)

– Вы, княгиня, еще не были в Петербурге? Если поедете, я бы рекомендовал появляться на улице в карете не иначе как со знаками одного из высших русских орденов. Даже верхом, но в штатском платье там не всегда можно избежать опасности оказаться жертвой неводержанного языка или неосторожной езды отличающихся особой одеждой кучеров видных сановников. А в конфликтах с ними только хлыстом можно добиться признания своего равноправия с их хозяином. Впрочем, я-то вынес из своего пребывания в России лишь приятные воспоминания... Горчаков, неограниченным доверием которого я пользовался, давал мне читать, пока я ожидал его, еще нераспечатанные донесения из Берлина прежде, чем просматривал их сам. Кокетничая своим доверием, он говорил: «Vous oublierez ce que vous ne deviez pas lire»² – в чем, разумеется, я давал слово, просмотр-

² Вы забудете то, что вам не следовало читать.

рев эти депеши в соседней комнате. При этом всякий раз, как мне случалось бывать в Петербурге в одном из императорских дворцов – Царскосельском или Петергофском, чтобы посоветоваться с жившим там летом князем Горчаковым, я находил в отведенном мне дворцовом помещении сервированный для меня завтрак из нескольких блюд, с тремя-четырьмя сортами превосходного вина; иных мне на императорском столе вообще никогда не приходилось пить. Ваше здоровье, дорогая! Вы можете не пить, но пригубите, please!..

(Тут пришел конец третьей дюжине устриц, и Бисмарк заказал себе еще три дюжины.)

– Несомненно, на кухне русского императора много крали, но гости от этого не страдали; напротив, их порции были рассчитаны на обильные остатки в пользу слуг. Возможно, дворцовые слуги, пользовавшиеся недопитыми винами, успели, в результате долголетнего опыта, приобрести изысканный вкус и не потерпели бы непорядков, от которых пострадало бы качество еды и питья, подававшихся к столу...

Дождь закончился так же внезапно, как начался, теплое вечернее солнце, как ни в чем не бывало, выплыло из-за растаявших туч, и в гавань неторопливо вошли сразу несколько тяжелых парусных рыбацких лодок.

– Ой, дядюшка, смотрите, аисты!

Действительно, с берега, откуда-то с северо-востока прилетели пять белых аистов и величественно уселись на буйках рыбацкого причала.

– Это из Байонны, тут по соседству, – объяснил Бисмарк. – Они там живут на пожарной каланче, могу вас свозить на экскурсию. А сюда прилетают в ожидании щедрых подачек от рыбаков, но только если их лодки идут в гавань, черпая воду бортами, то есть отяжеленные удачным уловом. Вы уговорите Николая поехать в Байонну?

– Конечно! А еще можете рассказать про Россию? Только правду...

Он посмотрел ей в глаза.

– В каком смысле?

– Понимаете... – она замялась. – Мой Николя большой патриот России. Он рассказывает только о победах.

– И правильно делает. А я патриот Германии. Если я рассказываю какие-то анекдоты про Россию, то не ради ее унижения, а только для вашего развлечения. Впрочем, больше не буду...

– Нет, пожалуйста, дядюшка! Мне очень интересно.

– Хорошо... Well, был такой случай. Однажды император обратил внимание на непомерное количество сала, которое ставится в счет всякий раз, как приезжает принц Прусский; в результате выяснилось, что при первом своем посещении принц после прогулки верхом пожелал за ужином съесть ломтик сала. Истребованный лот сала превратился при последующих посещениях в пуды. Недоразумение разъяснилось в личной беседе высочайших особ и вызвало взрыв веселья, послуживший на пользу замешанным в этом деле

грешникам.

– Дядюшка! Остановитесь! Вы съели шесть дюжин устриц!

– Для меня это appetiser. Как-то в парижском ресторане я съел сто пятьдесят устриц. Но сейчас я действительно останавлиюсь – устрицы, по слухам, очень возбуждающе действуют на мужчин... – и он вызывающе посмотрел ей в глаза.

Но Кэтти сделала вид, что пропустила этот вызов мимо ушей.

– Дядюшка, вернемся к России...

– Ну что же, вернемся. Говоря о России, вспоминается факт, о котором рассказал мне сам Фридрих-Вильгельм Четвертый. Император Николай, отец Александра Второго, попросил Фридриха-Вильгельма прислать ему двух унтер-офицеров прусской гвардии для предписанного врачами массажа спины, во время которого пациенту надлежит лежать на животе. При этом он сказал: «С моими русскими я всегда справлюсь, лишь бы я мог смотреть им в лицо. Но со спины, где глаз нет, я предпочел бы все же не подпускать их». Унтер-офицеры были предоставлены без огласки этого факта, использованы по назначению и щедро вознаграждены. Это показывает, что, несмотря на религиозную преданность русского народа правителю, император Николай не был уверен в своей безопасности с глазу на глаз даже с простолюдином из числа своих подданных. А теперь пошли к рыбакам, посмотрим, как они кормят аистов...

Обычно после ужина, в отлив, Бисмарк и Орловы катаются верхом вдоль берега по плотному песку. И по просьбе Кэтти Бисмарк снова рассказывает о России. Правда, щадя патриотические чувства Николая, он выбирает из своего опыта не самые для Орлова обидные случаи.

– С другой русской особенностью я столкнулся в первые весенние дни пятьдесят девятого года. Как-то придворное общество гуляло по Летнему саду, и императору бросилось в глаза, что на одной из лужаек стоит часовой. На вопрос, почему он тут стоит, солдат мог ответить лишь, что «так приказано». Император поручил адъютанту выяснить в казарме, но и там сказали, что в этот караул и зимой и летом отряжают часового, а кто отдал первоначальный приказ – установить нельзя. И только старик-лакей вспомнил, что его отец рассказывал, будто «императрица Екатерина увидела как-то на этом месте первый подснежник и приказала следить, чтобы его не сорвали». Исполняя приказ, на лужайке поставили часового, с тех пор из года в год он стоит там больше пятидесяти лет.

Кэтти и Николай рассмеялись, но Бисмарк сказал:

– Подобные факты и у нас, немцев, вызывают насмешку, но в них находят свое выражение примитивная мощь, устойчивость и постоянство, на которых зиждется сущность Рос-

СИИ...

Сегодня за обедом Бисмарк в который раз заметил, с каким ужасом и восхищением смотрит Катарина, как он поглощает сначала суп, потом угря, холодное мясо, креветок, омара, копченое мясо, ветчину, горячее жаркое и пирожное и запивает все это вином из огромной бутылки.

Но он делает вид, что не замечает ее расширившихся глаз и взглядов, которыми она обменивается по этому поводу с Николаем.

– Oh, it's so good! – говорит он про еду, нарочно урча от удовольствия. – In our family we all large eaters. If there were many of the same capacity in country the state could not exist; I should emigrate...³

Орловы рассмеялись, а он продолжил по-немецки:

– Знаете, я завидую вам, русским!.. Да... Вы собрали самые разные племена – от эскимосов на Севере до черкесов на Кавказе и от поляков до каких-то сибирских племен, которым я даже названия не знаю. Всех заставили говорить по-русски и создали огромную империю от Варшавы до Японии! А мы, немцы, занимаем пол-Европы, а живем в разных странах – часть во Франции, часть в Дании, часть в Австрии,

³ О, это так вкусно! В нашей семье мы все страшные обжоры! Если бы в стране было много таких обжор, наше государство не смогло бы существовать. Я был бы вынужден эмигрировать...

а часть в Пруссии. It's not good!

– Я знаю, – заметил Николай, – месяц назад вы были в Англии, и всех там напугали, сказали: если станете канцлером, то соедините всех немцев в одну империю.

Бисмарк внимательно посмотрел на него. Затем вытер салфеткой руки и достал из кармана маленький листок с картой Европы. Эту карту он всегда носил при себе, на ней разными цветами были обозначены Австрия, Пруссия, а также Эльзас, Лотарингия и другие немецкие княжества, граничащие с Пруссией, но находящиеся под властью Франции и Дании.

– Смотрите! – сказал он и ткнул пальцем в карту: – Здесь живут немцы. И здесь, и здесь, и здесь... И все врозь, в разных странах. Но если нас соединить, что получится? – Он сжал кулак и положил его на карту. Это был его любимый трюк и заветная мечта – на карте очертания немецкоговорящих территорий точно повторили очертания его кулака! – Германская империя! Железный кулак!.. Впрочем... – Бисмарк сложил карту и спрятал в карман. – Можете не беспокоиться, наш король никогда не сделает меня канцлером.

И вернулся к жаркому из фазана, но Кэтти вдруг спросила:

– Дядюшка, а все-таки из-за чего ваш Вильгельм поссорился с парламентом?

Бисмарку не хотелось ни расставаться с фазаном, ни входить в сложные объяснения.

– Милая, если я начну рассказывать, ваши прелестные маленькие ушки завянут на первой минуте.

Но ее прелестные голубые глазки вспыхнули обидой:

– А вы попробуйте! Вдруг я не дура?

Ого! – подумал он. – После прошлого инцидента на скале нужно быть с ней помягче. – И снова вытер руки салфеткой.

– Хорошо, дорогая, pardon. Слушайте. У нас в Пруссии мужчины поступают в армию на двадцатом или двадцать первом году, и три года солдат находится под ружьем, а потом его отпускают в резерв и требуют только в случае войны или больших маневров. Но в запасе, то есть в ополчении, он все равно находится до пятидесяти лет. Как ваши ушки? Еще не свернулись?

– Нет. Я слушаю...

– Однако население Пруссии постоянно растет и дает все больше рекрутов. В 1815 году нас было десять миллионов, а сейчас уже больше семнадцати! Поэтому король и мой друг Роон, военный министр, решили реформировать армию, чтобы срок службы в войсках был несколько увеличен, а в резерве, сообразно с этим, – сокращен, и пожилые люди вообще от службы освободились. Как вы считаете, это логично?

Кэтти посмотрела на Николая, а потом сказала:

– Н-ну, думаю, что да...

– Я тоже так считаю, – сказал Бисмарк. – Но любая реформа требует денег, особенно – если численность регулярных

войск увеличивается, и в прошлом году король представил в парламент бюджет на восемь с половиной миллионов талеров больше, чем обычно. Однако социалисты и прогрессисты, которых в нашем парламенте теперь большинство, бюджет урезали на полтора миллиона, а в этом году грозят вообще не дать никаких денег. Голосование будет вот-вот, в сентябре, и, если это случится, что, вы думаете, сделает король?

– Я... я не знаю... – и Кэтти снова посмотрела на Николая.

Николай, конечно, был в курсе всего, что происходит в Берлине.

– Боюсь, Вильгельм отречется от власти, – произнес он.

– Вот именно, – сказал Бисмарк. – И этим подаст дурной пример всем социалистам Европы от Лондона до Москвы! Они решат, что таким образом могут избавиться от всех монархов!

– А вы роялист? – спросила Катарина.

– До мозга костей! – подтвердил Бисмарк.

Вечером, когда солнце опускается в море, а луна поднимается из-за Пиренеев, Бисмарк и Орловы если не верхом, то пешком гуляют по променаду. При этом Кэтти, разыгрывая расфуфыренных барынь, одевается так просто, что они смотрят на нее свысока и презрительно отворачиваются. И когда очередная напыщенная дура, сравнив одетого, как денди, Николая с этой «простушкой», явно приняла ее за содержанку и смерила уничижительным взглядом, Николай поддержал розыгрыш, сказав как можно громче:

– Ничего, мон амур! Завтра я куплю тебе выходное платье!

Кэтти засмеялась, а Бисмарк оживился:

– Кстати, про слово «ничего». В Санкт-Петербурге я брал уроки русского у одного вашего студента. Замечательный учитель, но все равно он не смог мне объяснить это понятие. Почему в ста разных случаях вы говорите «ничего». «Я вас обидел?» – «Ничего». «Вы проголодались?» – «Ничего». «Как вы живете?» – «Ничего». Но ведь ничего – это пустота, nothing!

Николай бессильно развел руками, а Бисмарк сказал:

– Кэтти, вы спрашивали, понравилось ли мне в России? Смотрите...

И Бисмарк показал им свой железный, сделанный им еще

в Петербурге из ружейного шомпола, перстень, на котором по-русски было выгравировано: «НИЧЕГО».

– Это моя память о России. Когда дела идут хуже некуда или настроение швах, я смотрю на перстень и думаю: ничего, в России миллионы людей и хуже живут...

Сегодня это случилось.

С утра они, как обычно, ушли на прогулку подальше от Биаррица, гуляли в миндальных и тамариндовых садах, стреляли в тире, а потом, «укрывшись от людских глаз за скалами, поросшими цветущим вереском», плавали, ныряли и дурачились, как дети.

На четверть мили севернее Биаррица, в скалах у берега, они нашли узкое ущелье, и здесь, в изумрудной лагуне, Бисмарк, стоя по грудь в воде, обычно изображал скалу, а Кэтти забиралась ему на плечи и ныряла в воду, поднимая фонтаны брызг.

С берега Орлов индифферентно наблюдал за этой платонической идиллией, но ночью он в своих апартаментах с такой ревнивой энергией любил Екатерину, что Бисмарк не выдерживал, выскакивал из отеля, бежал к морю и с разбегу нырял в волны остудиться.

Однако днем он по-прежнему невозмутим, и сегодня после обеда расположился, как всегда, под окном своего гостиничного номера, а Кэтти, устроившись рядом, спросила:

– Так вы не демократ?

Бисмарк улыбнулся:

– Нет, ваша милая светлость, я не демократ и не могу быть таковым, я был рожден и воспитан аристократом!

– Пожалуйста, дядюшка! Расскажите мне о себе...

– Вообще-то, мои предки саксонские дворяне, – сказал он и поднялся, чтобы выбить трубку. – В двенадцатом веке они пришли на Эльбу через Нордмарк. Наверное, поэтому в юности я бешено влюблялся в англичанок. Одна из них была изумительно красива, почти как вы, и мы даже были помолвлены. Но я был нищим, и она вышла замуж за однорукого старика-полковника, имевшего высокую ренту, а я чуть было не застрелился...

Неожиданно из ее глаз брызнули слезы, она вскочила и набросилась на него с кулачками.

– Кэтти, что с вами? Кэтти! – изумился он. – Что случилось?

– Где? Где вы были? – зашептала она сквозь слезы. – Где вы были год назад?! – Затем порывисто отвернулась и бросилась прочь.

Бисмарк удовлетворенно раскурил свою трубку. Даже на холодной русской Неве случается ледоход. Он взял со своего подоконника чернильницу, перо и бумагу и написал Иоганне:

«С тех пор, как приехали Орловы, я живу с ними, словно мы совершенно одни на этой земле, и чуточку влюбился в эту хорошенькую госпожу. Конечно, она немного эксцентрична, в духе своих соотечественниц, но культурна и цивилизована в силу своего франко-немецкого воспитания».

Скорой почтой:

Samois-sur-Seine, шато Бельфонтен,
княгине Анне Трубецкой-Гудович

«Дорогая маменька,

в числе наших развлечений появилось еще одно – мсье Гардер, хозяин «Hotel d'Europe», пригласил в свой ресторан новую певичку. Теперь за ужином эта певичка с легкомысленным пером в шляпке, переходя от столика к столику, поет песенки Беранже – каждому столику на языке, соответствующем национальности отдыхающих:

Хотел бы я вино с любовью
Мешать, чтоб жизнь была полна;
Но, говорят, вредит здоровью
Избыток страсти и вина.
Советам мудрости внимая,
Я рассудил без дальних слов:
Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь!..

Спев это французам по-французски, она переходит к следующему столику, к англичанам, и поет им по-английски:

В весенний день моя свобода
Была Жаннетте отдана;
Я ей поддался – и полгода
Меня дурачила она!..

Все хохочут, а у мужчин, судя по Бисмарку, даже прибавляется аппетит. Он снова заказал себе тройную порцию блюд и бутыль красного бургундского. Ты просто не представляешь, сколько он может съесть и выпить!

Держа в руке депешу, только что полученную из Берлина, Николя сказал ему:

– Барон, а вы знаете, что творится в Берлине?

Но Бисмарк, увлеченный едой и певичкой, лишь отмахнулся:

– Нет, я совершенно забыл о политике и не читаю газет.

А певичка тем временем продолжала:

Кокетке все припоминая,
Я в сентябре уж был готов...
Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь!

– А зря! – сказал Николя Бисмарку. – Конфликт вашего короля и социалистов в парламенте дошел до кризиса.

Бисмарк посмотрел на меня:

– Надеюсь, меня не затребуют в Берлин. Тут певичка перешла к немцам и запела по-немецки:

Так я дошел бы до могилы...
Но есть волшебница: она
Крепчайший спирт лишает силы
И охмеляет без вина.
Захочет – я могу забыться;
Смешать все дни в календаре:
Весной – бесчувственно напиться
И быть влюбленным в декабре!

– Напрасно надеетесь, – заметил Бисмарку Николая. – Наша миссия в Берлине сообщила князю Горчакову... Вы же знаете князя?

– Еще бы! – усмехнулся этот Гаргантюа, ломая хрустящего омара. – Я знаю вашего канцлера еще по Франкфурту, где он был русским посланником, а я прусским. Да и в России мы с ним часами беседовали у карты Европы. Он остроумный оратор и любит блеснуть перед иностранными дипломатами. Я многократно часами и с удовольствием слушал его назидательные речи.

Я с трудом сдержала улыбку, а Николай спросил:

– Это ирония? Не забывайте, что Горчаков мой шеф...

– Я помню, – ответил Бисмарк. – Именно потому я и рассыпаю ему комплименты.

Но Николай оказался на высоте и парировал:

– Насколько я знаю, он к вам тоже очень хорошо относится.

Они расхохотались, и я тоже невольно улыбнулась.

Понизив голос, Николя сказал Бисмарку:

– Наша миссия в Берлине сообщает: советники вашего короля твердят ему, что только вы способны укротить ваших разгулявшихся либералов и социалистов. Я уверен, что не сегодня завтра вас вызовут в Берлин и назначат министром-президентом.

Бисмарк кивнул на письмо в его руках:

– Это Горчаков вам написал?

Тут певица подошла к нашему столику и запела по-русски, причем совершенно чисто и без акцента:

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жанетты не отдам!

– Ой! – удивился Николя. – Так вы русская!

А певица продолжала, почему-то глядя на меня:

Красотой одной богата,
Чем Жанетта виновата,
Что не нужны ей шелка?
У нее в одной рубашке
Грудь свежа и высока.
Взбить все локоны бедняжки
Так и тянется рука...

Я покраснела, а Бисмарк положил певиче за пояс целых два талера! Я жду не дождусь, когда он наконец, оставит нас в покое и уедет в свою Пруссию...»

Серебристые холмы оливковых рощ в Nyons... Лавандовые долины от Valreas до Vaison-la-Romaine... По дорогам Прованса, утопающего в зелени и благоухающего осенним буйством трав и цветов, катят две кареты.

Над ними в чистом и горячем небе парят птицы, над цветами жужжат пчелы.

Дверцы второй кареты распахнуты, Бисмарк полулежит на сиденье, выставив наружу босые ноги. Он блаженствует.

А в первой карете Кэтти спрашивает у мужа:

– Почему ты разрешил ему ехать с нами?

– А как я мог отказать? Его вот-вот назначат канцлером Пруссии! В интересах России мы обязаны сблизиться с ним.

Кэтти изумленно смотрит на Николая.

– Как ты сказал? Сблизиться?

Орлов молчит, отвернувшись.

– Так вот почему мы оказались в Биаррице! – произносит Кэтти.

У виноделов Gigondas, прямо у пресса, путешественники со смехом и шутками пьют молодые вина.

– Солнце и вино – вот и все, что нужно мужчине! – провозглашает Бисмарк.

Но Орлов и тут продолжает работать на своего шефа.

– Итак? – говорит он, словно между прочим. – Если станете прусским премьер-министром, вы и вправду начнете войну с Данией, Австрией и Францией за немецкие княжества?

– Ни в коем случае! – отвечает Бисмарк. – Успокойте Горчакова: Пруссия никогда первой ни на кого не нападет! Во всяком случае, если я буду премьер-министром.

Орлов делает изумленное лицо:

– А как же ваш германский кулак?

– Дорогой мой! Нас, немцев, очень легко склонить на войну, но оборонительную, а не завоевательную. Спросите у вашего канцлера. Он же считает меня своим учеником. Спросите у него и он вам скажет: выиграть можно только национально-освободительные войны. То есть когда на *вас* нападают! А теперь забудем о политике и выпьем за нашу красавицу Кэтти!

Слово «нашу» Бисмарк произнес так, что Катарина с испугом вскинула на него глаза, – словно *это* уже случилось.

Впрочем, кто знает, когда *это* происходит – в момент фи-

зического соития или куда раньше, когда хотя бы один из участников этого сакрального действия начинает мысленно вожделеть другого, и там, на тонком энергетическом уровне, куда, слава Богу, еще не смогли ученые влезть своими руками и приборами, — там, в телепатических волнах ночных снов — и ясновидений происходит первое эротическое соблазнение и соитие.

Огромный, почти двухметровый Отто Эдуард Леопольд Карл-Вильгельм-Фердинанд фон Бисмарк унд Шёнхаузен, гордый и дерзкий померанский дуэлянт и барон, которого боялась даже королева Августа и побаивался король Вильгельм, вдруг почувствовал, как его всего, целиком, словно малого ребенка, вобрали в себя зрачки ее глаз, опустили куда-то вниз, в жаркую пульсирующую пропасть, оросили там огненными фонтанами страсти и выбросили назад, на землю, обессиленного настолько, что ноги стали ватными и дыхание кончилось.

А она, тихо усмехнувшись, села в карету и позвала мужа: — Николя...

Но в Arles, в те острые моменты, когда на ринге окровавленный бык в бешенстве мчался на тореадора, чтоб поднять его на рога, Кэтти, сидя на зрительской трибуне между Бисмарком и мужем, в ужасе схватила и стиснула их руки — сразу у обоих, одновременно!

Так, держа обоих мужчин, она просидела на протяжении

всего боя быков, и Бисмарк воспринял ее цепкое пожатие, как еще один знак. Однако он и тут сдержался, не ответил на этот жест. И был вознагражден – в древней провансальской деревне La Tuliere, что возле городка Grignan, Кэтти заказала хозяину сувенирной лавки выгравировать «Kathi» на ага-товом брелоке для часов и протянула Бисмарку этот брелок:

– Дядюшка, это вам. На память.

– Мерси, мон амур.

Nimes-Avignon. 13 сентября 1862 г.

Даже из своей кареты Бисмарк услышал, как Кэтти восторженно крикнула, показывая на старинный виадук Понтдю-Гар.

– Ой, я хочу туда!

– Но я не могу... – сказал Орлов, кивнув на свою правую руку.

– Ничего, я пойду сама!

Однако одну ее, конечно, к виадуку не пустили, Бисмарк пошел с ней, а Николай остался на речном пляже и через подзорную трубу наблюдал, как они поднялись к древнеримскому виадуку через реку Гардон, когда-то называемую Гар. Тысячу восемьсот лет назад, во времена Римской империи, это гигантское трехъярусное сооружение, построенное по приказу знаменитого Марка Агриппы за девятнадцать лет до рождения Иисуса Христа, было частью сорокакилометрового водопровода и снабжало водой Ним, Авиньон и все соседние города и селенья. Но потом этот мост был заброшен и разрушаем временем, и только недавно его восстановили по приказу Луи-Наполеона.

И вот там, наверху, у начала третьего яруса виадука, заросшего кустарником и диким виноградом, Бисмарк, расска-

зывая про Марка Агриппу, решил, что момент настал – он обнял Кэтти, поднял над землей и...

О, Боже, ее губы ответили ему!

Спустя минуту они, забыв Агриппу и невидимые никому, уже катались по земле. Но Кэтти яростно сопротивлялась:

– Нет! Ни за что! Нет!..

– Si! Ja! – теряя голову, твердил он по-французски, по-немецки и по-русски. – Да! Да! Я люблю тебя!

– Нет! Я не могу, я княгиня!

Наверно, своим весом он настолько придавил ее к земле, что мелкие камни оцарапали ей плечи и спину, оголенные летним сарафаном.

– Stop it! – сказала она. – Мне больно!

Конечно, он отпустил ее. Кэтти порывисто встала, оставив на земле свою шпильку.

Он поднял эту шпильку и положил в карман.

Дальше они пошли молча. Далеко внизу, на пляже стояли две кареты, в сторонке лошади щипали траву, слуги и кучеры полдничали под тенистой оливой, а Орлов все смотрел в свою подзорную трубу.

Однако Бисмарка и Кэтти он видел лишь в просветах диких оливковых рощ, да и то, когда они спустились пониже.

На узенькой тропе Кэтти на ходу поправила волосы и показала Бисмарку свое плечо в синяках.

– Что мы скажем Николаю?

Он пожал плечами:

– Что «дядюшка» чудом спас «племянницу».

– Хм! И много у вас таких племянниц?

Он резко остановился, двумя руками взял ее за худенькие плечи и повернул к себе.

– Кэтти, вы единственная! И я люблю вас так, что готов съесть!

– И я вас! Это ужасно... – вдруг сказала она и своими крохотными кулачками стала снова колотить его по груди: – Ужасно!.. Я вас обожаю!..

Потом сорвалась с места и бегом помчалась вниз по тропе.

«22-летняя княгиня Орлова – ее звали Екатериной, урожденная Трубецкая – была совершенно очаровательной. Она выросла во Франции и говорила по-французски, английски, немецки и немного по-русски. До встречи в Биаррице она не была знакома с Бисмарком, но, согласно нашей скудной информации, возникшие между ними отношения довольно скоро вышли за пределы простого курортного приятельства» (В. Рихтер. «Бисмарк»).

Спустившись с горы, они подошли к каретам. Слуги и кучеры стали поспешно собирать свою снедь и «скатерть-самобранку».

– Николай, – обратился Бисмарк к князю. – Я очень перед вами виноват...

– Что случилось? – спросил Орлов, глядя на Кэтти.

Бисмарк показал вверх, на виадук:

– Там, наверху, карабкаясь с *княгиней* по виадуку, я увидел, как она оступилась на «живом» камне на самом краю обрыва. В ту же секунду я быстро шагнул к *княгине* и, обхватив ее одной рукой, прыгнул в канал. В результате я, конечно, спас *княгиню* от увечий. Но – не уберег от синяков и царапин. Велите меня казнить.

Слово «княгиня» он произносил с особым подтекстом, понятным только ему и Кэтти.

Но Орлов этого подтекста не уловил, он перевел взгляд с Бисмарка на спину жены и снова на Бисмарка.

А Кэтти спокойно отвернулась и сорвала веточку с оливкового дерева.

– Катарина, – сказал ей Орлов. – Я вижу, вы в своем безрассудстве можете и жизни лишиться.

Кэтти независимо повела плечом, шагнула к карете и остановилась в ожидании, когда муж поможет ей подняться

на подножку.

Он подал ей руку со словами:

– Всё, мон амур! Путешествие окончено. Мы едем в Женеву.

– Но я хочу к маменьке в Фонтенбло! – громко сказала она, усаживаясь на сиденье.

Князь Орлов повернулся к Бисмарку:

– Извините, барон. Служба требует моего присутствия в Женеве, – и он протянул Бисмарку свою левую руку. – Адъё!

Бисмарк пожал ему руку и ответил по-русски:

– До свидания.

Орлов сел в карету и приказал кучеру:

– Трогай!

Карета тронулась, Бисмарк стоял на дороге и смотрел ей вслед.

Через несколько секунд из окна кареты высунулась Кэтти с оливковой веткой в руке.

– Дядюшка! Это вам! – крикнула она и бросила веточку на дорогу.

Кучер стеганул лошадей, и карета Орловых унеслась прочь, подняв облако пыли.

Когда пыль осела, Бисмарк подошел к брошенной ветке, поднял ее и поцеловал. Ведь это была *оливковая* веточка, она обещала ему весь мир и встречу в Фонтенбло.

Запоздалое предисловие

Дух Бисмарка стучит в мое сердце...

Это, конечно, всего лишь красивая фраза.

Но что, если и на самом деле стучит?

Иначе какого рожна каждую ночь я, словно от толчка, просыпаюсь в три часа и до семи, а то и до восьми утра разговариваю с ним, а порой даже сажусь к компьютеру и записываю за ним?

Милостивый государь князь Отто фон Бисмарк! Давайте выясним наконец, что Вы от меня хотите? За сто лет со дня Вашей смерти сотни историков и Ваших биографов давно обсосали каждую минуту Вашей жизни, обсудили каждую строчку Ваших мемуаров и мемуаров Ваших друзей и врагов, даже каждое Ваше письмо Вашей жене, сестре, королям и министрам. Так зачем Вы будите меня мыслями о том, что они так старательно умалчивают, суют под ковер или маскируют?

Помню, в детстве я прочел статью о Рембрандте. В ней говорилось, что великий Рембрандт был очень хозяйственный малый и даже, кажется, скупердяй. Во всяком случае, после его смерти нашли амбарные книги, в которые он день за днем скрупулезно записывал все свои доходы и расходы, даже самые мелкие. И в статье было сказано – я запомнил это навсегда – что сотни историков и искусствоведов, *как мыши*,

годами кормятся этими книгами. Это сравнение напрочь отбило у меня охоту писать исторические романы.

И вдруг – Вы, Ваша светлость! Почему именно меня выбрали Вы в свои конфиданты? Как-то в Киссингене, на курорте, когда Вы с кем-то из своих друзей шли от минерального источника по мосту над рекой, к Вам подошел пожилой раввин и сказал Вам, как создателю единой Германии, несколько комплиментов. А потом, отойдя от него, Вы сказали своему спутнику (а он записал): «Обратите внимание, у этого раввина, как у всех евреев, голова наклонена набок. Это очень удобно для гильотины».

О, как мне нравится ход Ваших мыслей при встречах с нами! И что бы Вы ни писали и ни говорили потом о своем хорошем к евреям отношении, о наших достоинствах, трудолюбии, сообразительности и даже пользе смешанных немецко-еврейских браков, эта первая, при встрече с евреем, мысль о том, как поудобнее отрезать нам голову, приводит меня в творческий «восторг»!

Но если, приходя ко мне по ночам, Вы первым делом думаете, как отрезать мне голову, то, повторяю, какого рожна Вы именно мне диктуете свою love story и подсовываете источники, в которых можно найти крохи ее документальных свидетельств?

Часть вторая

МИНИСТР-ПРЕЗИДЕНТ

1

Париж. 18 сентября 1862 г.

Юный парижский почтальон в новеньком почтовом камзоле рысью промчался на лошади по узкой улочке Ру де Лилль и остановился у каменного забора резиденции прусского посланника. Спешившись, он набросил поводья на стойку у ворот и дернул шнур колокольчика.

Усатый служитель посольства открыл железную и по-немецки тяжелую калитку.

– Телеграмма барону Бисмарку, прусскому посланнику! – поспешно выдохнул почтальон.

– Откуда?

– Из Берлина! Срочно!

Служитель взял телеграмму.

– Но барона нет...

– Вы читайте, мсье! – пылко сказал юный француз. – Тут всего пять слов: «*Periculum in mora. Depechez-vous*». Вы знаете латынь? «Промедление смертельно. Срочно выезжайте!»

– Но его нет, – беспомощно повторил служитель. – Он в
Samois у Трубецких...

В Samois-sur-Seine, а еще точнее – в имение Трубецких «Château de Bellefontaine» Бисмарк приехал после обеда, к вечеру, не зная, что именно в этот день 18 сентября в Берлине на заседании ландтага решалась судьба бюджета Пруссии на будущий год и, следовательно, судьба короля Вильгельма и всего его кабинета министров. Показывая Бисмарку шато – свой замок и парк, княгиня Анна Андреевна, мать Екатерины, сказала:

– Кэтти мне телеграфировала. Она приедет поездом завтра или послезавтра. Но мы отведем вам покои, и вы ее дождетесь...

– У вас тут прекрасно! – заметил Бисмарк, любуясь ухоженными аллеями, клумбами и тенистыми беседками.

– Конечно, – скромно улыбнулась она. – Это замок семнадцатого века, до нас он принадлежал Николя Боргезе, а теперь долина носит наше имя – долина Трубецких. Мой муж очень щедрый благотворитель. Когда он перешел в католичество, то даже построил церковь в Самуа. Я вам ее покажу, мы там крестили Катарину. А вы знаете такого русского писателя – Тургенева?

– Я слышал о нем в Петербурге. Кажется, он живет в Париже с цыганской певицей... как ее?

– С Полиной Виардо. Но свой роман «Накануне» он на-

писал здесь, у нас. Так что оставайтесь, мы любим гостей! Кстати, вы видели вечерние газеты? В Берлине ваш парламент заблокировал военный бюджет, министры подали в отставку, король собирается отречься от престола.

Бисмарк не успел ответить – в глубине аллеи появился слуга в чулках и темно-синем камзоле. С телеграммой в обеих руках он стремглав бежал к ним от шато.

– В чем дело, Франсуа? – нахмурилась княгиня.

– Депеша мсье Бисмарку!

Бисмарк взял телеграмму.

«Промедление смертельно. Срочно выезжай. Дядя Морица Геннинга».

Подпись была условной – «дядей Морица» был Альбрехт фон Роон, и он требовал Бисмарка в Берлин.

«Однако теперь, – напишет Бисмарк в своих мемуарах, – при мысли о том, чтобы уехать отсюда и сделаться министром, мне стало не по себе, как бывает не по себе человеку, которому предстоит выкупаться в море в холодную погоду».

Из исторических документов

18 сентября 1862 года на заседании нижней палаты ландтага предложение короля Вильгельма и его кабинета министров о военном бюджете на 1 863 год было отвергнуто большинством 308 против 11 голосов, и вместо требуемых 37 мил. талеров на расходы военного министерства было утверждено всего 32 мил. Такая неслыханная дерзость против правительства поколебала положение кабинета министров, министр финансов и министр иностранных дел вышли в отставку.

Но это было лишь частью событий.

На следующий день берлинские газеты на своих первых страницах напечатали следующее заявление Бокум-Дольфса, вице-президента палаты депутатов: «Подумать только, до чего бесстыдно правительство, если оно воображает, что палата пойдет на мировую...».

Это была уже не просто дерзость, а прямое оскорбление.

Девятнадцатого сентября Бисмарк сел в скорый поезд Париж – Берлин, и двадцать второго был принят Вильгельмом Прусским в его резиденции Бабельсберг на реке Хафель. Этот роскошный замок в стиле неоготики Вильгельм построил тридцать лет назад, и старая немецкая строгая готика сочеталась здесь с пышным британским декором, навязанным замечательному прусскому архитектору Шинкелю все той же Августой. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что огромные неоготические окна придали интерьерам замка особую пышность и величественность – через них открывался совершенно роскошный вид на реку и гигантский парк, спускающийся к ней золотым осенним ковром. Да и внутренние дворцовые покои были озарены солнечным светом.

Однако настроение у Вильгельма было далеко не солнечное.

– Я не хочу править! – нервно сказал он Бисмарку, едва тот вошел в его кабинет. – Точнее: я не хочу править, если из-за этого парламента не могу действовать так, чтобы отвечать за это перед Богом, своей совестью и своими подданными! И у меня уже нет министров, готовых руководить правительством, не заставляя меня подчиняться парламенту. Поэтому я решил отречься, – и резким жестом король показал на ле-

жащие на столе бумаги, исписанные его нервным почерком.

Бисмарк ответил, что «его величеству уже с мая известно о моей готовности вступить в министерство».

– Я уверен, – сказал Бисмарк, – что вместе со мною в кабинете министров останется и Роон, и не сомневаюсь, что нам удастся пополнить состав кабинета, даже если мой приход заставит еще кого-то из членов кабинета уйти в отставку.

Король предложил ему пройтись с ним по парку.

– Где сказано в конституции, что *только* правительство должно идти на уступки, а депутаты никогда? – горячился он. – Палата представителей воспользовалась своим правом и урезала бюджет! А палата господ отклонила бюджет en bloc (в целом)! Понимаете, они вообще, вообще! оставили армию без денег! Боже, была ли совершена когда-либо большая гнусность с целью осрамить правительство и сбить с толку народ?!

«У меня, – напишет впоследствии Бисмарк, – не было сомнений в том, что, в то время как король, прижатый этими обстоятельствами до последней крайности, решился, наконец, призвать меня в министерство, опасения относительно приписываемой мне консервативной прямолинейности возбуждались в нем его супругой Августой, о политических дарованиях которой он первоначально был высокого мнения; оно создавалось еще в ту пору, когда его величество на правах кронпринца мог позволить себе критиковать правительство брата, не будучи обязан показывать пример лучшего

правления. В *критике* принцесса была сильнее своего супруга. Однако теперь, когда ему пришлось уже не только критиковать, а самому действовать, здравый смысл короля начал постепенно освобождаться из-под влияния бойкого женского красноречия; он усомнился в умственном превосходстве своей супруги, и мне удалось убедить его, что сейчас речь идет не о консерватизме или либерализме, а о том, быть ли у нас королевской власти или власть в стране перейдет к парламентскому большинству».

– Последнее, – твердо сказал Бисмарк, – следует предотвратить во что бы то ни стало, хотя бы даже установив на некоторый период диктатуру!

– Да? – удивился его решительности король. – Вы уверены?

– Да, ваше величество. Я абсолютно уверен!

– Гм... – король одернул на себе военный мундир. – И если я назначу вас министром-президентом, вы станете выступать в защиту моих указов?

– Конечно, ваше величество.

– Даже если большинство парламента будет против?

– Ваше величество, – снова твердо произнес Бисмарк, – я скорее погибну вместе с вами, нежели оставлю ваше величество на произвол судьбы в борьбе с социалистами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.